

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47)_281.93"17 / 19"+273.99"старообрядчество"

ГОСПОДСТВУЮЩАЯ ЦЕРКОВЬ И СТАРООБРЯДЧЕСТВО В XVIII – НАЧАЛЕ XX В.: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОЛОНЕЦКОЙ ЕПАРХИИ)

М. В. Пулькин

Карельский научный центр, Сектор истории, Институт языка, литературы и истории, *Россия*

Статья посвящена системе учёта старообрядцев, существовавшей на Севере России в XVIII – начале XX в. Созданные для целей репрессивной политики государства способы выявления старообрядцев оставались далёкими от совершенства. В реальности существовали, но оставались недостижимыми для статистики отдельные группы верующих, приверженные как старообрядчеству, так и господствующей церкви. С одной стороны, нередкими оставались случаи фиксации в числе староверов индивидов, не приверженных древнему благочестию. С другой стороны, коррупция позволяла избежать записи в число староверов тех, кто желал уклониться от правительственного учёта. Автор приходит к выводу о том, что чёткие критерии для выявления старообрядцев в принципе не могли быть созданы. Под наименованием «старообрядцы» действовали, противостояли власти и поддерживали традиционные устои различные по степени радикальности религиозные течения.

Ключевые слова: приход, духовенство, старообрядчество, границы, проповедь, верующие, вероисповедный учет.

В церковной историографии нет недостатка в трудах, подчеркивающих различия в старообрядческих толках, повествующих об ожесточенных дискуссиях старообрядческих наставников и излагающих причины громких скандалов в старообрядческой среде начиная с первых времен Раскола¹. Взаимодействие между сторонниками различных толков в старообряд-

¹ *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. М., 1995. С. 32. *Смирнов П. С.* Внутренние вопросы в расколе в XVII в. Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898. С. 48. *Юхименко Е. М.* Выговская старообрядческая поморская пустынь. Духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 1. С. 284.

Zen'kovskij S. A., Russkoe staroobryadchestvo: duhovnye dvizhenija semnadcatogo veka, M., 1995. S. 32; Smirnov P. S., Vnutrennie voprosy v raskole v XVII v. Issledovanie iz nachal'noj isto-rii raskola po vnov' otkryтым pamjatnikam, izdannym i rukopisnym, SPb., 1898,

честве сводилось чаще всего к фиксации различий. Преодолеть разногласия конфликтующие стороны даже не пытались. Парадоксальным образом в сознании наших современников, в том числе и ученых, профессионально (и на высоком уровне) изучающих историю старообрядческого движения, продолжает сохраняться устойчивое представление о возможности точного количественного измерения духовных дел, выявления числа сторонников «древлего благочестия». Цель данной статьи заключается в попытке поставить под сомнение существующие в исследовании староверия тенденции.

Вывод о возможности точного подсчёта староверов возник в трудные для «раскольников» времена. Начало регулярному учету старообрядцев положил император Петр I. Его указы ознаменовали принципиально новый период во взаимоотношениях власти и сторонников «древлего благочестия». Старообрядчество допетровской России «вообще не имело правового статуса»². По указу 1716 г. оно получило некоторые гражданские права. Власть по мере возможностей старалась найти общий язык с наименее радикальной частью старообрядческого движения. Всех остальных ожидала беспощадная расправа. Постепенно налаживался учёт. Желаящие принадлежать к старообрядческим сообществам записывались в двойной подушный оклад. Не записавшиеся и тем самым уклоняющиеся от налогов и правительственного контроля подвергались суровым наказаниям. Повсеместно в России жёстким репрессиям по закону подлежали и те, кто, будучи внесённым в списки, отказывался платить налоги, причитающиеся со старообрядцев. Отрекшиеся от старообрядческого вероучения немедленно освобождались от двойного платежа³. «Тайных раскольников», не внесённых священниками в соответствующие списки, в XVIII в. предполагалось распознавать разными способами. Использовалась «публичная в церквях присяга». Во время неё староверы обязывались принародно заявлять о своей преданности господствующей церкви⁴. Применение репрессий не мешало духовной власти заявлять о том, что лица, называемые старообрядцами, не составляют особую конфессию, а могут рассматриваться лишь как заблудшие чада российской церкви.

Явка лица, именуемого «старообрядцем», на исповедь расценивалась как обращение к церкви, а отказ – как возвращение «в раскол». В рапорте Олонецкой провинциальной канцелярии, составленном в 1774 г., указыва-

S. 48; Juhimenko E. M., *Vygovskaja staroobryadcheskaja pomorskaja pustyn'. Duhovnaja zhizn' i literature*, М., 2002, Т. 1, S. 284.

² Лавров А. С. Колдовство и религия в России. М., 2000. С. 60.

Lavrov A. S., *Koldovstvo i religija v Rossii*, М., 2000, S. 60.

³ *Резолюции Святейшего Синода по делам, относящимся до раскола* // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. СПб., 1872. Т. 2. № 454. С. 103–108.

Rezoljucii Svjatejshego Sinoda po delam, odnosjashhimsja do raskola. Polnoe sobranie postanovlenij i rasporjazhenij po vedomstvu pravoslavnogo veroispovedanija Rossijskoj imperii. SPb., 1872. Т. 2. № 454. S. 103–108.

⁴ Там же. С. 108.

Ibidem, S. 108.

лось, что Иван Константинов – «записной раскольник». Но его работники – Савва Евдокимов и солдатка Стефанида Федорова – «не раскольники, ходят в церковь и у святого причастия бывают»⁵. Об искренности речи не шло. Стремление исповедаться расценивалось как проявление временной покорности. В 1774 г. епископ Олонецкий и Каргопольский Антоний доносил в Синод, что обратившиеся «к святой церкви» крестьянин Трофим Логинов из деревни Юстозера Андомского погоста «по многому священническому увещанию и принуждению на исповедь не ходит и, видно, паки уклоняется в раскольническую прелесть»⁶. Учет старообрядцев вообще оставался в течение всего изучаемого периода крайне несовершенным. В XVIII в. священнослужители использовали малопривлекательную обязанность, возложенную на них государством, — выявление «потаённых раскольников» – как источник доходов. «Избавить прихожан от преследований, — пишет Н. Д. Зольникова, — чаще всего помогала взятка, ставшая традиционным явлением во взаимоотношениях тайных старообрядцев с приходским духовенством»⁷. Аналогичной точки зрения придерживается Н. Н. Покровский⁸.

В такой обстановке существующие в документах данные о численности старообрядцев не могли соответствовать действительности. Ценным источником для изучения указанного вопроса являются полемические старообрядческие сочинения второй половины XVIII в. В особенности – труды выговского публициста Тимофея Андреева (1745–1808) – автора «тетрадей» в защиту тех, кто записался в двойной подушный оклад⁹. Андреев подчёркивает как явное несовершенство контроля над старообрядцами, так и существенные разногласия в их среде. Возражая неизвестному «дивному автору», настроенному радикально и призывающему тайно «исповедовать раскол», Андреев настаивает на причислении, на добровольной основе, к «древнему благочестию». Перед верующим, записавшимся в приходские перечни старообрядцев, прилагаемые к исповедным ведомостям, открываются заманчивые возможности. Отныне не надо «в церковь нечестивых

⁵ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 55. Д. 425. Л. 43.

Russian State Historical Archive (RGIA), F. 796, Op. 55, D. 425, L. 43.

⁶ Там же. Д. 50. Л. 3.

Ibid, D. 50, L. 3.

⁷ Зольникова Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск, 1981. С. 12.

Zol'nikova N. D., *Sibirskaja prihodskaja obshhina v XVIII v.*, Novosibirsk, 1981. S. 12.

⁸ Покровский Н. Н. Организация учета старообрядцев в Сибири в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири. Новосибирск, 1983. С. 381.

Pokrovskij N. N., *Organizacija ucheta staroobryadcev v Sibiri v XVIII v.*, Russkoe naselenie Pomor'ja i Sibiri, Novosibirsk, 1983, S. 381.

⁹ О нем см.: Любопытный П. Исторический словарь и каталоги, или Библиотека староверческой церкви // Сборник для истории старообрядчества, издаваемый Н. Поповым. М., 1866. Т. 2. С. 182.

Ljubopytnyj P., *Istoricheskij slovar' i katalogi, ili Biblioteka starovercheskoj tserkvi*, Sbornik dlja istorii staroobryadchestva, izdavaemyj N. Popovym, M., 1866, T. 2, S. 182.

входити), «купно с ними молитися и никаких таин принимати». Разрешается на законных основаниях «все, что в старопечатных книгах содержится, содержать», воздавая за это положенную «дань», т. е. платя подушную подать в двойном размере. Укрывающиеся от записи в «раскол» значительно дальше отступают от «древлеблагочестивой веры». «Потаенный» старообрядец должен идти на «вящщие» уступки. Он даёт местному священнику взятки, «кланяется, и просит: да его напишешь в великопостные скаски, яко бе у него на духу». Андреев рассматривает и обратную ситуацию. Если старообрядец не может «клириков одарити» или просто поссорился с приходским священником, в консисторию немедленно поступает донос о потаенном раскольнике. Тогда, утверждает Андреев, старообрядец, «не хотя оставить дому, не хотя разлучити домашних, идеше и не по воле, от беды, от лютого падения, в церковь их и причащается там»¹⁰. Андреев рисует впечатляющую картину всеобщей тайной поддержки старообрядчества теми людьми, которые не могут открыто заявить о своих убеждениях: «... кто же исчислити может сицевых таящихся народов, елици быша из сенаторства, и елици из господства, и ис купечества, и ис простого народа, житейскими вешьми обязанных, и благочестие свое в сердце тепло хранящих с воздыханием многим, яко не могут иначе быти»¹¹.

Итак, учёт старообрядцев был в рассматриваемый период не только несовершенен, но и крайне затруднён. Это обстоятельство особенно отчётливо вырисовывается при сравнении данных исповедных ведомостей, содержащих сведения о «записных раскольниках», и записок путешественников, а также отчётов разнообразных комиссий, в разное время посещавших Олонецкую епархию. С одной стороны, по данным исповедных ведомостей конца XVIII в., содержащих сведения о 5 уездах, территории которых входили в состав Олонецкой епархии, числилось всего 526 «записных раскольников» на 97 646 прихожан обоёго пола (все данные за 1795 г.)¹². Конец XVIII в. был достаточно благоприятным временем для старообрядцев. Большинство указов, ограничивающих их права, утратили силу. Старообрядцы достаточно свободно и повсеместно заявляли о своих убеждениях. Исповедные ведомости конца XVIII в. более-менее адекватно отражают положение. С другой стороны, комиссия об олонецких и выгорецких старообрядцах в 1743 г. указывала в доношении Синоду, что «едва ли не весь

¹⁰ Отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук (далее – ОР БРАН). Собрание Каликина, 138. Л. 23, об.

Department of Manuscripts Library of the Russian Academy of Sciences (OR BRAN). *Sobranie Kalikina*, 138. L. 23, ob.

¹¹ Там же. Л. 39.

Ibid., Л. 39.

¹² Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. 25. Оп. 21. Д. 25/74. Л. 1–667; Оп. 19. Д. 2/20. Л. 1–564; Оп. 21. Д. 10/40. Л. 1–438; Д. 68/123. Л. 1–324; Д. 65/74. Л. 1–375.

National Archive of the Republic of Karelia (NA RK). F. 25. Op. 21. D. 25/74. L. 1–667; Op. 19. D. 2/20. L. 1–564; Op. 21, D. 10/40, L. 1–438; D. 68/123. L. 1–324; D. 65/74, L. 1–375.

Олонецкий уезд состоит в расколе»¹³. Данные XIX в. подтверждают мало-приятный для духовной власти вывод. Об успехе старообрядческой пропаганды и явном, широком распространении «раскола» в Олонецкой епархии свидетельствует и составленный без малого столетие спустя доклад сенатора Баранова, составленный в 1838 г.: «Священники, – писал сенатор, – лишаются возможности исполнять духовные свои обязанности». Местные жители, «не имея достаточного усердия приезжать из отдаленных сёл на моления, редко видят своих пастырей». Миряне «принуждены бывают прибегать к старообрядчеству, *всюду рассеянному* (курсив мой. – М. П.), которое не упускает случая им воспользоваться»¹⁴.

Старообрядцы уклонялись от записи в «раскол». В то же время некоторые приверженцы официального православия прилагали немалые усилия, чтобы попасть в число «записных раскольников». Такое странное на первый взгляд стремление объясняется тяжестью разнообразных служб. К ним из-за сомнений в лояльности не привлекали старообрядцев. Как видно из «Наказа Олонецкого уезда от Лопских разных погостов государственных крестьян», составленного для предъявления в Уложенной комиссии 1767–1768 гг., крестьяне становились «у соли головами ларешными, выборными и целовальниками». Но они «простотою своею и незнанием служебных порядков» «впали в великие недоимки». Взыскание штрафов производилось «с великим и крепким правезом» (т. е. с телесными наказаниями, прекращающимися только в случае выплаты долга). В итоге «самые лутчие и прожиточные крестьяне» записывались в число старообрядцев «не для иного чего, но для того, что не хотят помянутых служб служить»¹⁵. Иногда желание получить хлебную должность в волостном самоуправлении побуждало отдельных индивидов к показной покорности православной церкви. В 1836 г. Олонецкая палата гражданского суда рассматривала дело о крестьянине Захаре Иванове, который, «будучи раскольников, был избран в волостные головы». В ходе следствия он сознался, что при избрании «в сию должность» он о своей вере «никому не объявлял и иногда ходил в церковь». После завершения службы Захар «по собственному своему произволу вовсе оставил церковь»¹⁶.

Вступление в брак становилось для старообрядцев ещё одним важным жизненным рубежом, для успешного преодоления которого необхо-

¹³ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1899. Т. 1. С. 328.

Polnoe sobranie postanovlenij i rasporyzhenij po vedomstvu pravoslavnogo ispovedanija Rossijskoj imperii. SPb., 1899. T. 1. S. 328.

¹⁴ РГИА. Ф. 834. Оп. 2. Д. 1664. Л. 3.

RGIA, F. 834, Op. 2, D. 1664, L. 3.

¹⁵ Наказ Олонецкого уезда Лопских разных погостов государственных крестьян // Сборник Императорского Русского исторического общества. М., 1901. Т. 115. С. 139.

Nakaz Oloneckogo uезда Lopskih raznyh pogostov gosudarstvennyh krest'jan. Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva. M., 1901. T. 115. S. 139.

¹⁶ НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 304/2959. Л. 12.

NA RK. F. 9. Op. 1. D. 304/2959. L. 12.

димым условием становилось кратковременное и неискреннее отречение от «древлего» благочестия. Старообрядцы даниловского толка, приемлющие церковный брак, на краткий период прибегали к объявлению себя православными. Такие внезапные обращения вызывали недовольство клира, поскольку сразу после венца приверженность новообращённых официально православию заканчивалась. О бытовании данного явления в Олонецкой епархии свидетельствуют как данные консисторского архива, так и произведения, вышедшие из-под пера старообрядческих авторов. Например, в 1777 г. «собор Выгорецких общежителей», как видно из текста постановления, предписывал своим сторонникам-старообрядцам во избежание разврата или «жить в девстве и соблюдать между собою чистоту телесную», или венчаться в церкви. В отношении нарушителей предусматривались решительные меры. Собор предписывал «всем своего согласия жителем от них в ядении и молитве отлучаться»¹⁷.

Основная трудность в исследовании проблем взаимоотношений духовенства и старообрядцев заключается в том, что значительная часть православного населения Олонецкой епархии не относилась ни к числу «записных раскольников», ни к числу бескомпромиссных представителей официальной церкви. Проще говоря, большинство прихожан вело такой образ жизни, который осудили бы и священник, и старообрядческий наставник, скрывающийся от «слуг Антихристовых» в ближайшем лесу. Жители Олонецкой епархии, участвующие в старообрядческих «зборищах», оставались и в собственных глазах, и с точки зрения священно- и церковнослужителей, «правоверными». Так, Новгородская духовная консистория в 1766 г. на основании доношения, поступившего из Олонецкой епархии, указывала в рапорте, адресованном Синоду: «... трупы в раскольничьем их кладбище погребают, и множество народа правоверные со свечами и с ладаном их препровождают, и за таковым их необъявлением в троечастных ведомостях тех умирающих раскольников не писано»¹⁸. Местные святыни в равной мере привлекали как сторонников господствующей церкви, так и старообрядцев. В 1774 г. на Столпозерском острове обнаружили мощи старообрядческих святых Киприана и Епифания. О «вновь открывшихся мощах» местному священнику стало известно благодаря одной из прихожанок. Придя к батюшке с просьбой о крещении внука, она рассказала ему о недавнем посещении старообрядческих святынь. Простодушная крестьянка не подозревала, что приняла участие в недопустимом, с точки зрения официальной церкви, мероприятии¹⁹. Оценивая указанный факт, А. С. Лавров полагает, что «на месте общежития православных и старообрядцев, характерного для Русского Севера,

¹⁷ ОР БРАН. Калик., 76. Л. 30.

OR BRAN, Kalik., 76, L. 30.

¹⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 47. Д. 95. Л. 73.

RGIA, F. 796, Op. 47, D. 95, L. 73.

¹⁹ Там же. Оп. 55. Д. 425. Л. 1, об.

Ibid, Op. 55, D. 425, L. 1, ob.

формируется местная религиозная культура». В ней святыни «находятся как бы в совместном пользовании»²⁰.

Таковы единичные примеры. О массовом участии прихожан Олонецкой епархии в старообрядческих праздниках свидетельствует резолюция епископа Олонецкого и Каргопольского Иоанна. В 1765 г. как видно из документа, священник Сенногубской выставки Федор Кузмин заметил «множество разного звания чинов», направляющихся в старообрядческое Выговское «общежительство» на праздник в честь «неслыханного Данилы, суземского чудотворца». В числе паломников оказались жители города Олонца, «задних и состоящих близ Олонца волостей». К ним примкнули обитатели Петровских заводов, Великогубского, Кижского, Космозерского, Кузаранского, Выгозерского, Толвуйского, Мелогубского и Шунгского приходов. Для местного епископа не стало загадкой, кто именно толпой посещает Выговское «общежительство». Указом консистории предписывалось, «чтоб никто из правоверных и состоящих в православно-кафолической церкви обоего пола людей в помянутые раскольничьи жилища, в суеверное раскольническое моление не ходили»²¹.

Заложенные в XVIII в. тенденции получили продолжение в следующем столетии. В начале XIX в. духовенство и светская власть не смогли справиться с проблемой учета старообрядцев. В 1801 г. неизвестный священник – автор «Краткой записки о состоянии раскола в Лодейнопольском уезде» – весьма проницательно замечал, что «положительное определение истинной цифры раскольников невозможно» по ряду причин. Во-первых, многие прихожане «не вполне утвердились в православии». Закономерно они «передали молодому поколению свои заблуждения по расколу, смешанные с правилами церкви». Во-вторых, ошибки неопытных священников, которые, «принимая наружное выражение православия за истинное и объясняя уклонение их от святого причастия суеверием и предрассудками», считает староверов приверженцами господствующей церкви²². Выводы о принадлежности того или иного прихожанина к «расколу» можно сделать только на основании глубокого и обстоятельного изучения подробностей его личной жизни. Священники ограничивались поверхностными суждениями. В качестве основного критерия они избрали явку на исповедь. Эта особенность религиозной жизни заметна в разные исторические периоды. В 1861 г. ситуация оказалась сходной. Рассматривая дело о незаконном приводе к присяге крестьянина Кирилла Поташева, духовная консистория указывала на несомненные признаки принадлежности как его самого, так и его семейства к

²⁰ Лавров А. С. Указ. соч. С. 46.

Лавров А. С., *Op. cit.*, S. 46.

²¹ НА РК, Ф. 25, Оп. 15, Д. 1/1, Л. 26–26, об.

НА РК, Ф. 25, Оп. 15, Д. 1/1, Л. 26–26, об.

²² Там же. Д. 2/16, Л. 3.

Ibid, D. 2/16, L. 3.

расколу. Все родственники Поташева не являлись на исповедь и постоянно уклонялись от душеспасительных бесед со священником²³.

Другие ситуации, представленные в документах XIX – начала XX века, дают примеры отсутствия формальных различий между сторонниками и противниками господствующей церкви. В ответ на простой, но принципиально важный вопрос о перстосложении верующие из некоторых приходов всегда давали различные ответы. В 1838 г. священник Гакугского прихода И. Вишневский доносил епископу, что его прихожане обоюбого пола, «старые и малые, исключая духовенство, двуперстным сложением ознаменованы». Все попытки священника поменять их убеждения оказались напрасными²⁴. Позднее ситуация не изменилась. В конце XIX в. священник Валазминского прихода В. Мегорский описывал поразившую его картину: «На мой вопрос, как они слагают пальцы для изображения на себе крестного знамения, подняли вверх три пальца очень немногие». Большая часть мирян «принадлежала к изображающим на себе крестное знамение двумя перстами»²⁵, т. е., невзирая на посещение приходского храма, следовала принятому в старообрядческой среде изображению крестного знамения. В 1859 г. другой священник, служащий в Марциальноводском приходе, подчеркивал, что постоянно занимается «наставлением и увещанием» старообрядцев, но особых успехов добиться не удалось. Старообрядцы уклонялись от разговоров о вере. Раскол «поддерживается взаимными их отношениями между собою»²⁶. В доказательство своей активности в деле борьбы с расколом священник предъявил епископу «секретную тетрадь», в которой содержались краткие заметки об убеждениях старообрядцев. В то же время в тетради указывалось, что народ «малые имеет понятия о раскольнических мнениях»²⁷.

Сами священники нередко отмечали иллюзорность составленных ими же документов. Многие крестьяне, писал в 1855 г. священник, «хотя в документах значатся православными, но по замечанию моему суть такие же раскольники»²⁸. В том же году один из благочинных доносил епархиальному архиерею об «образе мыслей прихожан». Он полагал, что в Повенецком уезде «сверх записных раскольников есть тайные». Последние «числятся по документам православными, но не ходят к службам церков-

²³ НА РК. Оп. 20. Д. 59/655. Л. 43.

NA RK, Op. 20, D. 59/655, L. 43.

²⁴ Там же. Д. 78/913. Л. 34.

Ibid, D. 78/913, L. 34.

²⁵ Мегорский В. Передвижная церковь в дер. Костомуксе Валазминского прихода Повенецкого уезда // Олонецкие епархиальные ведомости. 1900. № 7. С. 278–280.

Megorskij V., *Peredvizhnaja cerkov' v der. Kostomukse Valazminskogo prihoda Poveneckogo uezda*, Oloneckie eparhial'nye vedomosti, 1900, № 7, S. 278–280.

²⁶ НА РК. Ф. 25. Оп. 8. Д. 7/9. Л. 1.

NA RK, F. 25, Op. 8, D. 7/9, L. 1.

²⁷ Там же. Д. 7/9. Л. 7.

Ibid, D. 7/9, L. 7.

²⁸ Там же. Д. 3/9. Л. 6, об.

Ibid, D. 3/9, L. 6, об.

ным и не исполняют долга очищения совести». Некоторые оказываются ещё хитрее: «... ходят иногда в церковь и даже притворно принимают исповедь, дабы таким образом им свободнее действовать по расколу и быть допущенными к общественным должностям или иметь право на торговлю»²⁹. Тайные сторонники старообрядчества, полагал благочинный, «под видом православия действуют в пользу раскола гораздо свободнее, чем явные, и иные из них ходят в церковь и даже целуют Святой Крест, как я лично заметил, но в то же время в сердце своем питают к церкви и таинствам ея ненависть и отвращение»³⁰.

Особенности поведения местных прихожан, постоянные колебания между господствующей церковью и старообрядчеством, ставили духовенство в затруднительное положение. В 1858 г. причт Паданского прихода сообщал духовной консистории, что одна из местных прихожанок в 1840 г. «обратилась в православие» и являлась на исповедь до 1847 г. Но затем «христианских обязанностей» не исполняла и даже переселилась в Лексу, где в то время ещё существовало старообрядческое поселение³¹. В составленном в 1900 г. описании Троицкого прихода Каргопольского уезда ситуация рисуется следующим образом: «Трудно отличить раскольников от прочих прихожан и по образу мыслей и по жизни, потому что и те и другие страдают одними предубеждениями в пользу мнимой старины и держатся одних и тех же обычаев»³². Более того, духовенство в XIX в. «само было предубеждено в пользу многих старообрядческих обрядов и верований»³³. На действиях старообрядцев отражались и иные, помимо конфессиональных, особенности территории. Архангельский епископ Макарий обращал внимание на этнические особенности старообрядчества: «Раскол кореляков отличается лишь внешним характером». Приверженность старой вере «состоит в том, чтобы не есть с мирскими и не молиться вместе». Более принципиальные отличия не осознаются: «О сущности же учения секты, которой они принадлежат, не имеют ни малейшего понятия, в особенности в тех обществах, где не знают русского языка»³⁴.

Отношение к старопечатным книгам вполне отчетливо маркировало весь спектр взаимоотношений духовенства и прихожан в сложном вопросе

²⁹ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 66/15. Л. 4, об.

NA RK, F. 25, Op. 16, D. 66/15, L. 4, ob.

³⁰ Там же. Л. 7.

Ibid, 66/15, L. 7 об.

³¹ Там же. Д. 3/28. Л. 3.

Ibid, D. 3/28, L. 7 об.

³² *Казанский К. И.* О расколе в Троицком приходе Каргопольского уезда // Олонецкие епархиальные ведомости. 1900. № 3. С. 93.

Kazanskij K. I., O raskole v Troickom prihode Kargopol'skogo uezda, Oloneckie eparhial'nye vedomosti, 1900, № 3, S. 93.

³³ Там же. С. 96.

Ibid, S. 96.

³⁴ *Макарий.* Христианство в пределах Архангельской епархии. М., 1878. С. 27.

Makarij, Hristianstvo v predelah Arhangel'skoj eparhii, M., 1878, S. 27.

о старой вере. По личным наблюдениям известного ученого-филолога и собирателя старинных книг В. И. Срезневского, посетившего Олонецкую епархию в 1903 г., сохранение старопечатных книг и почтительное, бережное отношение к ним стали типичной чертой поведения значительной массы местного населения. «Есть деревни, – писал Срезневский, – где в редкой избе вы не найдете книгу, икону старинного письма, картину, ручное кадило – “дымило”, в редкой семье нет связи со старой верой, с какой-нибудь “монастыркой”, ушедшей или выгнанной с Лексы во время ее разорения, оставившей своим родственникам сбереженные со страшной опасностью предметы запретного церковного обихода». Влияние старообрядчества оставалось устойчивым и непреодолимым. Официально став православным, население «не могло сразу отшатнуться от своих прежних святынь и продолжало их беречь», уступая их только по отчаянной нужде в деньгах. Отмечены случаи, когда и «в совсем оправославленных деревнях» совершенно не хотели расставаться со старообрядческими книгами и не показывали их потенциальным покупателям³⁵.

В такой обстановке сформировать чёткие критерии разграничения старообрядцев и приверженцев «господствующей церкви» было безнадежным делом. В рапортах священников встречаются следующие особенности поведения местных жителей, указывающие на принадлежность к старообрядчеству. Во-первых, нежелание контактировать с местными духовенством: «... никаких пастырских увещаний не принимает, со святым крестом в праздничные дни, равно и для прочтения молитв в положенное время не впускает в дом». Во-вторых, знакомство с другими заведомыми старообрядцами: «... в доме их бывает пристанище расколоучителей»³⁶. Местная церковная власть в лице благочинных и чиновников консистории довольствовалась столь же сомнительными правилами. К началу XX в. основными критериями для отнесения того или иного прихожанина к числу старообрядцев становились стремление «казаться пред прочими людьми степенными и опытными в делах веры», даже просто желание «со всеми обходиться кротко и миролюбиво», чтение в дни церковных праздников «старопечатных книг религиозного содержания» и «не совсем доверчивое» отношение к православному духовенству³⁷. Такие критерии не давали чётких оснований для разграничения старообрядцев и сторонников господствующей церкви. У каждого индивида могли быть свои собственные причины для того, чтобы не симпатизировать приходскому духовенству, читать старые церковные книги или даже вести себя миролюбиво. Поэтому наставления приходским священникам от съезда миссионеров, датированные 1906 г., содержали данные о тех старообрядцах, которые обращались к

³⁵ Срезневский В. И. Поездка в Петрозаводск и Заонежье (июнь 1903 г.). СПб., 1904.

Sreznevskij V. I., *Poezdka v Petrozavodsk i Zaonezh'e (ijun' 1903 g.)*, SPb., 1904.

³⁶ НА РК. Ф. 25. Оп. 8. Д. 34/3. Л. 1–2.

NA RK. F. 25. Op. 8. D. 34/3. L. 1–2.

³⁷ Казанский К. И. Указ. соч. 93–96.

Kazanskij K. I., *Op. cit.*, S. 93.

приходским иереям с просьбой об исполнении церковных треб. Съезд предписывал «обращать внимание на восприемников, чтобы они были лицами вполне православными», т. е. не являлись старообрядцами, лишь на короткое время нарушающими принятые в старообрядческой среде запреты на общение с приходскими священниками³⁸.

Результаты проведённого исследования показывают, что в течение длительного исторического периода власть усиленно, с применением всех возможностей репрессивного государственного аппарата, формировала из разрозненных групп религиозных диссидентов, по разным причинам недовольных никоновскими реформами, устойчивые конфессиональные, но нередко также и экономические сообщества, объединяемые сознанием общности недоброй судьбы. Единые, адекватные ситуации критерии учета старообрядцев не появились. Представители власти на местах руководствовались довольно странными рекомендациями, спущенными сверху и не способствующими выявлению старообрядцев. Не отрицался вполне очевидный факт: существование множества промежуточных форм религиозного сознания, не связанных в полной мере ни со старообрядческими сообществами, ни с господствующей церковью. Гордое, а порой и грозное имя старообрядцев носили самые разные лица и сообщества верующих.

Список литературы:

1. *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. М.: Церковь, 1995. – 652 с.
2. *Зольникова Н. Д.* Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1981. – 326 с.
3. *Лавров А. С.* Колдовство и религия в России. М.: Древлехранилище, 2000. – 574 с.
4. *Покровский Н. Н.* Организация учёта старообрядцев в Сибири в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири. Новосибирск: Наука, 1983. С. 367–384.
5. *Румянцева В. С.* Народное антицерковное движение в России в XVII в. М.: Наука, 1986. – 246 с.
6. *Юхименко Е. М.* Выговская старообрядческая поморская пустынь. Духовная жизнь и литература. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1–2.

³⁸ Постановления V-го съезда оо. миссионеров Олонецкой епархии // Олонецкие епархиальные ведомости. 1906. № 2. С. 56.

Postanovlenija V-go s'ezda oo. missionerov Oloneckoj eparhii, Oloneckie eparhial'nye vedomosti, 1906, № 2, S. 56.

DOMINANT CHURCH AND OLD BELIEVERS IN THE 18-EARLY 20 CENTURY: THE PROBLEM OF DEMARCATION (BASED ON OLONETSKAYA DIOCESE)

M. V. Pulkin

The Karelian Research Center, the Institute of Language, Literature and History, the Department of History, *Petrozavodsk, Russia*

The article is devoted to the accounting system of the Old Believers, which existed in the Russian North in XVIII-early XX century. Created for the purpose of the repressive policy of the state, methods to identify the Old Believers were far from perfect. In reality existed, but remained out of reach for the statistics specific group of believers who are committed as the Old Believers, and the dominant church. On the one hand, often remain fixed in the cases of individuals including Old Believers are not committed to the ancient piety. On the other hand, corruption is allowed to avoid recording the number of conservatives in those who wish to evade the government's account. The author concludes that clear criteria for the identification of the Old Believers, in principle, could not be created. Under the name of «Old Believers» act, opposed the government and supported by the traditional foundations the various degrees of radical religious movements.

Keywords: *parish clergy, the Old Believers, borders, the faithful, religious account.*

Об авторе:

ПУЛЬКИН Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, сектор истории, Институт языка, литературы и истории, Карельский научный центр, (185910, Россия, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11), e-mail: vmp@sampo.ru

About the author:

PULKIN Maxim Viktorovich – The Candidate of History, the Senior Researcher, the Department of History, the Institute of Language, Literature and History, the Karelian Research Center, (185910, Russia, Republic of Karelia, Petrozavodsk, st. Pushkinskaya, 11), e-mail: vmp@sampo.ru

References

- Zen'kovskij S. A., *Russkoe staroobryadchestvo: duhovnye dvizhenija semnadcatogo veka*, М., Cerkov', 1995. – 652 s.
Zol'nikova N. D., *Sibirskaja prihodskaja obshhina v XVIII v.*, Novosibirsk, Nauka, 1981. – 326 s.
Lavrov A.S. *Koldovstvo i religija v Rossii*. М.: Drevlehranilishhe, 2000. 574 s.

- Pokrovskij N. N., *Organizacija ucheta starobrdadcev v Sibiri v XVIII v., Russkoe naselenie Pomor'ja i Sibiri*, Novosibirsk, Nauka, 1973, S. 367–384.
- Rumjanceva V. S., *Narodnoe anticerkovnoe dvizhenie v Rossii v XVII v.*, M.: Nauka, 1986. – 246 s.
- Sreznevskij V. I., *Poezdka v Petrozavodsk i Zaonezh'e (ijun' 1903 g.)*, SPb., 1904. – 16 s.
- Juhimenko E. M., *Vygovskaja starobrdadcheskaja pomorskaja pustyn'. Duhovnaja zhizn' i literature*, M., Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002– T. 1–2.

Статья поступила в редакцию 19.06.2016 г.